

Каждое утро, позавтракав и выпив ложку рыбьего жира, я отправлялась с бабушкой по делам. Одной рукой она крепко держала меня за руку, не выпуская ни при каких обстоятельствах. Красивый фантик, цветное стёклышко, блестящая чёрная ягодка шелковицы – все эти сокровища, лежащие под ногами, наталкивали на мысль вырвать детскую ладошку, явить свою волю миру, восстать, нарушить ход вещей и событий. Но я никогда не сделала этого.

Было уже много прожито и понято в шесть лет. Когда в прологе «Евгения Онегина» весело и нервно пелось «Девицы-красавицы...», внутренним взором я сразу видела Татьяну с пером в руке. Сердце сжималось от холодности Евгения, как будто я сама написала это письмо и жду ответа. Тогда я уже твёрдо знала, что хочу быть паяцем, так как «Мистер Икс» был прослушан сотни раз. И не в ушах, а где-то в сердце звучало: «Да, я шут, я циркач, так что же? Пусть меня так зовут вельможи...». Было лестно представлять себя в чёрной маске и развевающимся плаще на арене цирка. А вельможи – это был весь тёмный зрительный зал напротив, весь мир вокруг, я – и они. Верди, Леонкавалло, Пуччини, все они действовали на неокрепшую детскую фантазию (каждый по-своему, в меру таланта и моего восприятия). В общем, я была воспитанной девочкой и руку не отнимала.

Цели наших прогулок меня поначалу интересовали, и даже очень. Но, так как они повторялись изо дня в день много лет и были, может быть, не ясны никому на свете, кроме кого-то высшего над нами, перестали казаться важными. Нет, цели, конечно, были, судя по тому, как мы готовились к выходу. Но я остро ощущала, что они не на поверхности нашей жизни, и жизнь эта, и цель её скрыты, неосвязаемы, свёрнуты, как древний свиток. Я ещё не знала слова «иррациональны», а не то обязательно бы его употребила.

На меня надевались белое крепдешинное платье с крупными клубничками и маленькая изящная

соломенная шляпка а-ля капор. Ни одна девочка, шедшая нам навстречу, не одевалась так, как я. Это должно было меня смущать, обескураживать, наводить на некие размышления, догадки и домыслы. Но нет, я и сейчас помню свои ощущения по поводу того, что быть белой вороной – это не страшно, не стыдно, не смешно и не нелепо. Это вызов. Потому что белой вороной выглядела и бабушка рядом со мной. Но боже, с каким достоинством она несла эту инаковость, непохожесть, с каким царственным поворотом головы, чуть в сторону от собеседника. Её и моё каре были идеальными, ни один волосок не выбивался из причёски.

Мы составляли некий артефакт, паноптикум на фоне гор, солнца, гортанной речи, чёрных шароваров и платков. Дело было не в одежде, хотя и в ней тоже, а в голове. Это было понятно и мне, шестилетней, и окружающим.

У бабушки было два выходных платья, но каких! Одно – светлое, простого, но изысканного кроя. Второе – синее, креп-жоржетовое, струящееся и невесомое. Но глубокий синий визуально утяжелял ткань, делал её похожей на море в те минуты, когда оно гневается, негодует, надувает щёки и бьёт, бьёт по серым камням. Губы были слегка тронуты помадой. Неяркой, но так искусно, что выдавали и утончённость, и трагизм, и полуулыбку, и соблазн.

Бабушка снималась с Верой Холодной в первых, немых ещё фильмах, снятых у нас. Она умела играть, но не переигрывать. Духи «Красная Москва», маленькие часики на левой руке. В ней же, свободной от меня, была соломенная корзинка или, что меня немного коробило, оранжевая пластмассовая сумочка. Ширпотреб, хотя и с такими дамскими изделиями никто здесь не ходил. Три персика – максимум, что могло войти в эти сумочки.

Откуда у нас появлялись тазы с просвечивающими насквозь абрикосами, готовыми испустить сок не только при надкусывании, а при взятии в руку с намерением съесть их? Или чаши с волосатыми, меняющими цвет с бордового до огненно-рыжего

на другом боку, персиками. Или арбузы, закрытые зелёной бронёй и полосатые, как гвардейцы, не лишённые кокетства и стати. Или дыни, маленькие, душистые и беспомощные перед жадной наслаждения от их белой струящейся плоти, сладко дурманящей и всегда новой. А помидоры, а синенькие – огромные, как видимые издали в порту корабли; перцы, кукуруза, завернутая в зелёное платье листьев. Откуда это всё бралось в нашем доме? Точно не из корзинки, в которой до революции носили завтраки в гимназию. Кукурузы, стыдливо прячущей своё жёлтое восковое тело в зелёных складках юбок, могло уместиться в корзинке две, а то и одна. Нет, не для приобретения всей этой роскоши мы выходили во двор. У нас были другие цели.

А двор жил своей прекрасной жизнью. Волею судьбы здесь собрались люди самых разных национальностей. Каждый вносил в наш двор своё настроение, обычаи и кухню. Мы любили друг друга, учились, дивились, радовались, дарили друг другу себя. Мозаика складывалась удивительно яркая, многомерная, с тонкими переходами и гранями. Русские, евреи, аварцы, армяне, кумыки, лакцы, таты, даргинцы, лезгинцы, адыгейцы, грузины, турки, азербайджанцы населяли наш двор на улице Ленина, согревающий и дающий благословенную тень в уголках, возле сараев. Двор, который защищал и растил, и открывался неожиданно широко, когда мы вырастали. Мы не оглядывались, нас звали города и страны, ждали судьбы и великие дела. Это потом, на перепутьях любви и падений, нелёгких решений и потерь, мы мучительно вглядывались в наше тёплое детство, закрытое от шума и гама тремя стенами и домом, нашим домом.

Мы выходили с бабушкой на центральную улицу. С одной стороны были площадь и небольшой, в сером пальто, Ильич, такой родной и знакомый, который указывал дорогу с ленинским прищуром. Мы шли в противоположную сторону, и даже в этой южной толпе на нас оглядывались многие. Приехав недавно из Москвы, бабушка завела много знакомств. Поэтому каждые пять минут мы останавливались. Женщины-горянки, укутанные с ног до головы даже в сорокаградусную жару, солидные мужчины из обкома, русские дамы в широких белых шляпах – все почтительно раскланивались с нами. Бабушка кивала в ответ и начинала разговор с одной неизменной фразы: «Я коренная москвич-

ка». Дальше я не слушала. Эта фраза звучала во мне как музыка. Она оправдывала всё: моё появление на свет, мою никому не нужную жизнь, все мои радости и печали. Коренная от слова «Каринэ». Она гордится мною, поэтому она, москвичка, с Каринэ в правой руке. Слово, которое может лечить, возвышать, утешать, для меня ещё тогда стало величайшей ценностью. И это, может быть, одно из самых ценных открытий в жизни. Я стояла, скромно опустив глаза, и мир радужно искрился вокруг. Бабушка коренная, потому что я есть у неё, а вы-то не коренные! Меня нет в вашей руке и жизни.

Мы шли в книжный магазин на краю города. Полумрак и прохлада встречали нас с порога. От пола до потолка стояли, лежали, висели на одном корешке книги. Вдвоём мы занимали всё свободное пространство. Книги на серой дешёвой бумаге местного издательства представляли всю русскую и зарубежную классику. Этакое пиршество духа за тяжёлой дверью невзрачного двухэтажного особняка. Выходили мы почти всегда с покупкой, которая ложилась в корзинку так, как будто они были созданы друг для друга. А через два дома открывался заросший пустырь, и я верила, что там кончаются улица, город и Земля. У меня кружилась голова от ощущения, что если пройти несколько шагов, можно упасть с планеты. Я-то уже знала, что она круглая. Вот так пойдёшь – и упадёшь в космос, и будешь кружиться вокруг Земли миллионы лет, не успев прочитать новую книгу, пахнущую типографской краской, – моим любимым на свете запахом. Ещё мы шли в магазин «Антика». Там мы рассматривали украшения с драгоценными камнями. Ассортимент менялся часто. Мы ничего, кажется, не купили там ни разу. Но продавщицы всегда подходили к нам и вместе с бабушкой склоняли головы над кольцами, браслетами и серьгами, молча рассматривая их. Я придумывала диалоги между ними, смешные и странные.

– Мадам, сколько стоит эта камея?

– О, мадемуазель, этот образец из коллекции королевы, это выставочный экземпляр.

Дюма уже был прочитан и претворён в жизнь.

Мы возвращались домой: маленькая девочка с фантазиями в голове и армянским именем и коренная москвичка Елена. У каждого должно быть место, куда можно вернуться хоть с края земли и открыть новую книгу.